
Владислав Март
Лом
18+

Владислав Март

Лом

«Автор»
2026

Март В.

Лом / В. Март — «Автор», 2026

Сбор сломанного металла у сломленных людей обернулся для героя открытием. Железки помнят историю этого мира лучше всякого человека. Узнает ли читатель лучше историю города, связывающего многие рассказы автора?

© Март В., 2026
© Автор, 2026

Владислав Март
Лом

Кусок листового металла, обломок станины, зубчатое колесо, навесной замок, пробитая канистра для бензина, два прута арматуры, два обрезка трубы, огромный моток проволоки, утрамбованный кувалдой, крашеный красной краской топор без топорища, картонная коробка полная десятисантиметровых гвоздей, бывших в употреблении. Такой сегодня улов. Такое сегодня содержимое двухколёсной тачки. Если бы жерди арматуры не цеплялись за стену при проезде по тротуару день был бы неплох. Вы думаете это просто лом? Чермет? Ни черта подобного. Это лом негабаритный вместе с ломом тонкостенным, да в придачу проволока никому не нужная. Классы лома 3А, 5А и 12А. Это не лом. Это негабаритный лом, в основном пятого класса. А просто Лом – это я. Ломакин. Все зовут меня Лом, неудивительно при таком сочетании занятия и фамилии. Я не сразу пришёл к своему нынешнему делу. Сбор старых железок не снился мне в детских снах, я не заканчивал училище по ломоведению, но сейчас я не променял бы уже это занятие ни на что. Мне нравится. Я люблю ходить по дворам коротких прямых улиц Винтергарда, заглядывать в П- и Г-образные внутренние пространства, проходить по многослойным асфальтовым тропинкам к сидящим на скамейках бабам, инвалидам и освободившимся ЗэКам. Шуршать, топтать подошвой их семечки, налузганные без меры, кивать всем и ставить тачку у подъезда. Детвора тут же налетает и бросает мне огрызки яблок, обёртки конфет, норовит и мусорный пакет выпотрошить над моей кормилицей. Я иногда ставлю тачку на попа чтобы меньше попадало, иногда терпеливо жду. Ребятня убегает с визгом или под матюки их мамаш из окон. Подтягиваются взрослые. Мужички с вечными сигаретами в потрескавшихся ртах отдают мне куски чугуна будто от сердца отрывают. Жёны их норовят вынести всякую металлическую утварь, что кажется им ненужной или мешающей проходу. Встречают сопротивление кривых мужицких рук и ртов, начинается возня и крик. Я так же жду, как до того пережидал налёт детишек. Через какое-то время пять-шесть кусков труб или деталей швейных машин, или прохудившихся кастрюль с грохотом падают в тачку. Я кланяюсь каждому падению. Без слов по моему лицу видно, что я благодарен за возможность заработать на кусок хлеба и буду молиться всем богам и президентам за эту подачку до скончания моих суставов. Последним подходит местный дворник и деловито кладёт какую-нибудь необъятную хреновину. Чаще всего что-то неценное, вроде того мотка проволоки. Я вынимаю последний и беру приделанный на скобах к тачке молоток, небольшую кувалду, если быть точным. Сплющиваю подарок, заодно убедившись, что нет в нём целофана или картона, меди и прочего, кладу уже аккуратный кусок наверх. Цепляю кувалду, кланяюсь по пояс честному двору и под улюлюканье вернувшихся детей скриплю в новый двор. Братия баб и ассамблея инвалидов-скамеечников смотрит мне в след вслух калькулируя, не стесняясь, мои доходы. Я скоро перестаю слышать их причитания как они меня озолотили, как спасли шкуру мою от голода и как они в следующий раз сами повезут всё на пункт приёма лома у Среднего завода. Не повезут. Они никогда сами ничего подобного не делают. Новый мой приезд с тачкой, через неделю или месяц, будет встречен горой обрезков труб и старыми батареями, барахлом, что никто кроме меня у них не заберёт. Скажу более того, они ждут меня чтобы обсудить мою худобу, молчание и свою меценатскую сущность. Как они меня спасают столько времени от голодной смерти. Я буду слышать от дедов, сынов и внуков всё то же. Лом идёт! Лом сюда скрипит! Я им нужен.

Последним на сегодня был двор Гнилого дома, того, где на углу порос молодыми берёзами брошенный бортовой самосвал. Вход во двор отмечен местами от кострищ его огромных покрышек и двумя умершими клумбами огороженными белыми кирпичами, поставленными углом вверх. Отчего-то у Гнилого дома не растут цветы, сирень, одуванчики бесплатные, мать-

и мачеха. Никакая радость из земли не лезет. Меж тех клумб я заворачиваю качку и вкатываюсь к подъездам, что обращены внутрь двора. Вечно разбитые окна над ними до самой зимы никто не чинит. На этот раз гнили, разрушения в трёхэтажном бараке ещё больше, чем в прошлый заход. Кто-то оторвал вдоль первого этажа доски и наружу глядела всякая труха: известка, тряпки, засунутые в щели и клетчатая рейка, прибитая друг на друга, что держала какой-то последний слой обороны в стене. Теплоноситель и обивка. Они были покрыты тонкими голубыми полосками. Должно быть то был прежний или последний цвет дома, при покраске валиком цвет прошёл по щелям. Сейчас дом цвета не имел. Гнилой был дом. Какая окраска у гнили, как вам объяснить, не буду и пытаться. Дворник был пьяный, а дети вешали в дальнем углу кошку, так что привычный ритуал был нарушен. Пару минут меня как будто не замечали. Имевшаяся здесь, как и везде, скамейка баб и инвалидов молчала. Вероятно, и они попривыкли к первому детскому налёту, не вступали в коммуникацию. Свою косточку сливы в голову я всё же получил, с третьего этажа. Без ора, без мусора, одинокая обидная косточка. Стоял я недолго, успел только перепоясаться. От тяжёлой ходьбы сполз ремень. Тут выбежала баба без мужика, но с сигаретой во рту, по виду швея. На шее у неё имелся тонкий метр, на халате был маленький дополнительный карман для мела. Она шумно вывалила в тачку какую-то мелочёвку, железки посыпались сквозь трубы и уголки на дно, я заметить не успел что там было. Ржавая канцелярия, гвоздики, крышки от бутылок. Скорее всего они. Поклон, пауза, поклон. Я толкнул тачку не изменившую вес к выезду со двора. Гнилой дом не славился богатым урожаем лома в обычные дни. Но в праздник здесь могли подарить крышку люка или дверь автомашины. От щедрот загулявшего народца. Скрип-скрип. Вторая косточка в голову. Скрип-скрип. День сбора завершился.

Сразу груз я не тащил к заводу. Дорога была с горы, но я всегда разделял день сбора, день сортировки и сдачи. Всегда надо переночевать, отдохнуть, утром отсортировать лом и свежим выдвигаться. Всегда что-то кидали несдаваемое, сразу не разберёшь. Утром солнышко поможет разделить. Наедятся на цветмет не приходилось, хотелось просто не тащить случайно или специально положенные в тачку куски кирпича или насквозь ржавое, за что не только не дадут талон, могут и в морду дать на приёмке. Сортировка была короткой, но важной. Этим утром она состояла во вскрытии коробок. Я убедился, что гвозди действительно не новые, гнутые, а в канцелярке нет ни целых ножниц, ни металлических пуговиц, что могли пригодится мне самому. Однако находки были. В том мусоре, что бросила курящая баба из Гнилого имелась годная стружка (класс 16А), несколько свёрл по бетону и маленькая монета с обеих сторон испорченная тусклой плёнкой. Это не была рыхлая ржавчина как у простых железных монет кризисного времени, скорее это был никелевый сплав, старый или бывший в агрессивной среде. Монеты выбрасывают редко, потому она привлекла моё внимание и вместе со сверлами отправилась не в тачку, а в карман. Позавтракав я выдвинулся на сдачу. Я люблю приходить первым, к неусталым и незлым, также и непьяным металлургам. Они могут перебросится шутками, округлить массу лома в большую сторону, дать совет где недавно меняли батареи. Ранней порой было ещё одно преимущество, обычно не приходил на смену Урод. С ним не получалось быстро и без проблем сдача, всё с ним было нескладно и долго.

Тачка бодро катилась с пологого возвышения города к Мёртвой реке и скоро я увидел открывающиеся ворота приёмки металлургов. Я снова первый, очереди не было. За спиной кто-то скрипел повыше меня на улице, может обгонит, но всё равно всё вовремя. Как я люблю. Сборщики лома, что моложе меня долго спят. Им цветмет подавай, за мной с тачками они не гоняются. Однако когда я вкатился к весам – квадрату два на два под навесом – настроение утра рассосалось. По ту сторону весов, у гирек, с планшетом стоял Урод. Началось взвешивание. Я рядами разложил железки в центре весов и отряхнув ладони подошёл к рабочему. Урода звали так не за характер. Могли бы за него, но звали не за это. Уродом он был от рождения, имел по четыре пальца на руках вместо обычного количества. Пальцы были более крупными,

сосисочными, а ладонь за ними не плоская, а чашкой. Вогнутая. От этого поздороваться с ним за руку было невозможно. Либо просто подержаться за толстые пальцы, либо за предплечье. Всякий вариант был странным и неприятным многим. Говорили также, что на стопах у него тоже самое. Урод не хромал, не ходил босой, подтвердить слух я не мог.

При взвешивании лома он очень долго переставлял туда-сюда самую крохотную гирьку на железной линейке. Всё ему казалось, что неверно. В конце концов он сообщил, что до сорока килограмм не хватает. У меня дух перехватило. С моим глазомером как я мог ошибиться? За столько лет с тачкой я сорок килограмм руками чую, спиной своей. Всегда везу немного больше. Это важно. До сорока дают простой талон, а свыше сорока талона на картонке. Картоночный «толстый» принимают везде охотнее, его проще хранить и сдавать в учреждения, а главное, за картоночный можно брать не только еду, но и всякий любой товар. За простой талон можно поесть в столовой при заводе и, если повезёт, примут в продмаге. Урод тыкнул в гирьки показывая, что до сорока немного не хватает. Я пошатал ногой платформу весов и гирьки тут же съехали на сорок с хвостиком. Спина отозвалась, заныла моя спина от этого движения платформы весов, осколок пониже лопатки одинаково отзывался на погоду и мудаков. Урод заругался, не поленился, разложил мой металл на весах по-новому, больше по краю и весы снова отъехали от границы картоночного талона. Вот, показал мне опять. Нету сорока килограмм. Урод. За мной пришло уже четверо с тачками и не взирая на мой авторитет смеялись и предлагали мне уматывать с малым талоном. Я посмотрел ещё раз на Урода взором невинного котёнка, голодного и жалкого, смиренно просящего милостыню. Урод скрестил на груди свои ужасные клешни и не отреагировал. Я обернулся на следующего металлиста, на тачку позади и жестом показал, что возьму у него из тачки торчащий кусок трубы для довеса. Но вместо согласия, как бывало в прошлом, мой коллега по сдаче сам взял этот отрез трубы и сделал вид, что замахивается на меня. Этот молокосос даже классов лома не знает, а туда же, отличник в профессии. Я пожал плечами и стал шарить по карманам. Свёрла и монета полетели на весы. Удивительным образом их хватило. Сколько не смотрел и даже не дул на последнюю гирьку Урод, она крепко сидела и не съезжала с места. Мне выдали «толстый» талон и я пошёл в гору, назад к улицам, стараясь позабыть этот эпизод. Я – Лом. Меня не сломить одной неудачей. Я работал ломом ещё когда такие уроды под стол ходили. Я трупы с военных полей в тачке вывозил пока Урод азбуку учил в школе. Меня подобным не расстроить. Я заслужил свой талон.

***

Возвращаясь из магазина, используя пустую тачку как сумку, я вёз немного. Картошка, хлеб, рыба, то что легко обработать, сделать на огне лучше, чем оно было до огня. Хотя в этой фазе моей рабочей недели я считал тачку чистой, подходящей для продуктов, то есть не сворачивал по дворам, просто шёл по городу, я всё ж не мог перестать замечать металл под ногами. Тут и там, притормаживал, наклонялся и клал рядом со съедобным, пыльные отломки железа. Раз наклонился, взял с тротуара большую пружину, второй – сковороду без ручки, в третий что-то вроде крюка для туши с отломанным концом. Килограмма два-три. Не мог прекратить работать. Лом я и всё тут. Повернув с улицы на задворки, к своему жилищу я вынужден был, повинуясь своей привычке, сесть на корточки и начать собирать крупные гайки. Набрав две горсти, я привстал и в этот момент из нагрудного кармана куртки в пыль города упала монета. Из меня выпала монета, вот дела. Я редко видел деньги, чаще талоны, потому не заметить даже крохотный диск не мог. Каково же было моё удивление, когда выбросив к рыбе и крюку гайки я взял пальцами монету и она оказалось очень похожей или той самой, что я оставил на заводе, тем, чем я довесил Уроду сорок килограмм. Если это она самая, то как попала в карман?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.